

Андрей Неклюдов

Золото для любимой

Андрей Неклюдов
Золото для любимой
Серия «Проза о любви»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166775
Золото для любимой: Институт соитологии; СПб.; 2007

Аннотация

Новая книга петербургского писателя Андрея Неклюдова, автора «Нефритовых снов» – это современная любовная история.

Главный герой романа отправляется в так называемую Русскую Бразилию – богатый золотом и самоцветами край, надеясь в старательских трудах стереть из памяти недавно пережитую личную драму. Но оказывается, помочь ему в этом может только женщина...

Интимные отношения героев, как романтически светлые, так и полные драматизма и страданий, разворачиваются на фоне подпольной добычи золота и беспощадной борьбы за желтый металл. Захватывающая интрига, почти документальный реализм изображаемых сцен, яркий колорит быта местных жителей и природы Южного Урала – все это создает эффект «присутствия», личного участия в описываемых событиях.

Содержание

Глава 1. ЗАМЕНА СУИЦИДА	4
Глава 2. СОРАТНИКИ	7
Глава 3. ЭКСТРИМ	10
Глава 4. «ЗАВОДНАЯ» ЖЕНЩИНА	12
Глава 5. ДУШЕВНАЯ МУТЬ	15
Глава 6. БАШКИРЫ	19
Глава 7. ЧЕРНАЯ ВОДА	22
Глава 8. БУДНИ	24
Глава 9. РЕЛИКТ	28
Глава 10. КАРЬЕРЫ	30
Глава 11. ЛЕТНЯЯ КУХНЯ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Неклюдов

Золото для любимой

Глава 1. ЗАМЕНА СУИЦИДА

«Отъезд в дальние края – замена суицида».

Это строчка из моего блокнота. Пока единственная. Она обо мне.

Где-то я слышал или читал, что если изложить то, что тебя мучает, на бумаге, то можно от этого освободиться. Пожалуй, слишком просто, чтобы в это поверить, но... что мне еще остается?...

Покачиваясь на верхней полке купе, я пытаюсь убедить себя, что мне сказочно повезло – попасть наконец в отряд, направляющийся в древнейшую золоторудную провинцию – в «Русскую Бразилию», как именуют этот богатый золотом и самоцветами Кочкбрский район Урала. Ведь я так давно этого жаждал. Еще мальчишкой, начитавшись Джека Лондона, я грезил о странствиях и золотых самородках... Я заразил своей страстью школьного друга, и мы с ним всерьез строили планы о том, как «маханем» вдвоем после окончания школы в тайгу, в самую глушь, срубим там избу и всю жизнь будем охотиться, рыбалить и мыть золото. Мы серьезно готовились: ночевали в лесу у костра, купались в проруби, метали в цель нож. Нашим гимном была песня «Стервятник» из кинофильма «Золото Маккены» («Вновь, вновь золото манит нас...»).

В результате я подался в геологи, а Серега в бандиты...

Проезжаем небольшую выкошенную луговину. Мужики, обнаженные по пояс, с блестящими от пота плечами и спинами, сгребают сено. А ближе к полотну стоит девушка, худенькая, повязанная белым платком, и, прикрыв ладонью глаза от слепящего солнца, смотрит на проходящий поезд. И кажется, ищет взглядом меня. Я узнаю ее. Это Аня. Да, да, конечно! Это Аня! Еще совсем юная, наивная, из того времени, когда мы с ней только-только познакомились.

Но она остается, а мы мчимся дальше. И мне до боли хочется туда, назад, на тот луг. Я хочу стоять рядом с ней и, также затенив глаза, смотреть на поезда. Я стоял бы с ней так целую вечность...

Наверное, это смешно (и отчасти – клинически подозрительно), но я завидовал даже застреленным старателям в приключенческих кинофильмах – так картинно лежал какой-нибудь из них, распластавшись в ручье, в окружении суровой северной природы, с пулевой меткой или индейской стрелой между лопаток – в ручье, где ему едва блеснуло несметное богатство.

Признаться, я завидую им даже теперь. Хотя нынешняя поездка, казалось бы, и мне дает какой-то шанс – если не быть убитым (шутка), то, по крайней мере, прикоснуться к последним крохам былой романтики.

Впрочем, не могу гарантировать, что однажды серым пасмурным утром мне не захочется уйти в тайгу – одному, без еды, без компаса и спичек – чтоб уж наверняка оттуда не вернуться.

Правда, там не тайга, куда мы едем, там лесостепь...

Золото... Я хорошо помню то золото на Аниной шее – замысловатая витая цепочка с кулоном в форме двух рыбок, слившихся в единое целое. То, что мы с ней еще недавно составляли. Нет, вру. То, что мы *могли бы* составить, но так в полной мере и не составили.

– Откуда это у тебя? – неприятно удивился я, впервые увидев на ней это украшение.

– Неважно, – довольно резко ответила она (к тому времени трещина в наших отношениях уже зияла, только я все еще упорно не замечал ее). – Подарок.

За этим подарком последовало колечко с камешком (кажется, акваарином), золотой браслет в виде оплетшей Анино запястье змейки. Но тогда я уже ни о чем не спрашивал. Я уже и так знал, кто стоит за этими подарками. Кто опутал не только ее запястье, но и ее всю, присосался к ней своими щупальцами.

Дорогими подношениями женщину можно убедить, что любишь ее, зародить в ней ответные чувства...

Попади я на эту Кочкарскую площадь хотя бы годом раньше, я, уверен, намыл бы для нее столько золота, сколько ей и не снилось!..

Хотя вряд ли бы это что-то изменило. Дело не в золоте, а во мне самом. Ни Армен, ни его подарки не при чем. Это все я со своими идиотскими понятиями, со своей самонадеянностью, своей дуростью...

Долго лежу без движения, прислушиваясь к стуку вагонных колес. Потом переворачиваюсь на живот, сменяя простыни, вновь открываю блокнот и записываю ниже первой строки: «Если прислушаться внимательно, нетрудно разобрать, что выстукивают колеса поезда. Они выстукивают совершенно отчетливо: *Дурукдурбк-дурукдурбк-дурукдурбк*. Это про меня».

В памяти вдруг с беспощадной четкостью всплывает картина.

Танцы в чьей-то квартире. Полумрак, блеск бокалов на столе, блеск глаз. Я поочередно танцую со всеми девушками. Со всеми, но только не с Аней. Аня – в уголке на стуле, в самой тени.

– Ну что ты сидишь, как манекен? – отчитываю ее в перерыве. – Потанцуй с кем-нибудь. Вон сколько парней! Почему обязательно со мной? Мы с тобой и так почти каждый вечер видимся.

– Скажи: я тебе надоела?

– О господи! Ну нельзя же все воспринимать так прямолинейно!

– Я тебе надоела...

А вот другое: я сижу на краешке кровати, покачиваясь, уронив голову на грудь. За моей спиной раскинулась крупная, ярко окрашенная блондинка, имя которой я при всем старании не могу вспомнить. Оцепенело я размышляю о том, что другие женщины, конечно же, разнообразят мою жизнь, но по-настоящему хорошо мне только с Аней, только с ней я сто-процентный мужчина, только она поймет по одному лишь взгляду, чего я хочу и какое у меня настроение. Но тогда почему я в постели с этой незнакомкой?... Не потому ли, что быть все время рядом с одной женщиной – как-то прозаично, не модно (мода и сюда внедрилась), чуть ли не постыдно для современного уважающего себя мужчины?

И ведь Аня знала о моих похождениях (по крайней мере, догадывалась). И терпела. До поры до времени...

Зачем я терзаю себя? Зачем эти корчащиеся воспоминания, конвульсии, судороги чувств?... От них хочется завить.

А ведь было же у нас и хорошее? Почему бы ни вспомнить что-нибудь хорошее? Например, наши первые светлые дни. Опьянение друг другом, эйфория (и до похмелья еще далеко)

...

Из светлого

Вот едем в Петергоф к моим друзьям. И так нам радостно, такой веселый день, то заставляющий жмуриться от солнца, то опрыскивающий мимолетным дождиком!

И всю дорогу мы хохочем, как придурики. Хохочем на платформе, когда вновь заморозило и я напялил на голову большой полиэтиленовый пакет, просунув руки по самые плечи

в ручки-прорези и продрав дырки для глаз и рта. Аня – она в узеньких джинсах, футболке – сгибается от смеха, упираясь руками в колени, потряхивает светлыми локонами.

Веселимся мы и в электричке, потешаясь над все новыми коробейниками, предлагающими всевозможную китайскую дребедень – «денежную жабу», «ручку-шпиона», «мячик-лизун».

– Говорящее сердце! – восклицает очередной скоморох, и мы с Аней вновь покатываемся.

Продавец сжимает в пальцах пухлое красное сердечко, и оно вправду пищит: «Ай лав ю». Покупаем это любвеобильное сердце, чтобы позабавить моих приятелей-студентов.

В общежитии мы «заводим» всех. Бесконечные шутки, хохот. Толпой готовим закуски, приправляя их музыкой и смехом, выпиваем, танцуем.

– Слушай, Федька! – толкает меня локтем мой знакомый Макс, когда мы с ним отправляемся в туалет. – Что ты сделал с бедной девочкой? Я с такой фишкой еще не сталкивался! Это что-то! Она же не спускает с тебя глаз, в рот смотрит. Мы все для нее – тени, она видит только тебя!

Мм-да... Только вот постепенно эта ее преданность и восхищение начинают меня тяготить...

Поезд по-прежнему бежит на восток – все ближе к моему сомнительному убежищу и все дальше от покинутого мною прошлого. За окном еще долго будут мелькать картины русской глубинки: ели вперемешку с березами (первые в конце концов задушат вторых), тёсовые крыши изб, серые дощатые сараи, копны сена, мотоциклы – сразу по несколько штук во дворах с развернутыми в разные стороны, поблескивающими на солнце рулями, мужики на мотоциклах на переездах, терпеливо провожающие глазами наш состав. Подомной на нижних полках все так же будут бубнить трое моих соратников. И все так же будут выстукивать свою издевательскую песенку колеса: «Дурукдурбк-дурукдурбк-дурукдурбк».

Глава 2. СОРАТНИКИ

Лежа на своей полке, я стараюсь направить мысли по безопасному азимуту: вспоминаю, например, как в институте на практике нас обучали работе с лотком, и шаг за шагом восстанавливаю в голове эту несложную, но требующую сноровки и терпения процедуру. Или пытаюсь вообразить, как триста лет назад ехали в том же направлении, к малоизвестному тогда Каменному поясу – в телегах, с запасом провизии и нехитрым инструментом, с крестьянами-рабочими – первые русские рудознатцы. Ехали за золотом.

Вообще-то цель нашей экспедиции не золото, а алмазы, но это ничего не меняет.

Из путеводителя по Юго-Восточному Уралу

«Открытие кочкарского золота относится к 1799 г., официальная разработка его началась в 1844 г. Однако еще прежде, во времена Екатерины II, здесь, на Юго-Восточном Урале, периодически действовал Санарский рудник, устроенный на месте древних плавильных печей. За полторы сотни лет здесь добыто более 200 т золота. В 1886 г. Кочкарские прииски посетил Д. Н. Мамин-Сибиряк».

Путеводитель этот везет с собой начальник отряда, и я уже перечитал его от корки до корки, силясь хоть чем-то отвлечь себя от горьких мыслей.

В разговоре коллег я не участвую, даже не слышу порой их голосов. Но временами словно просыпаюсь и тогда недоуменно прислушиваюсь, точно человек, пришедший наконец в сознание после удара дрыном по голове.

Вот как сейчас.

Володя (Владимир Кириллович Колотушин, начальник отряда): Я смотрел последние отчеты по нашему району. Упорно пишут о лампроитах, а по их же собственным химанализам – это не совсем лампроиты, вернее, *совсем не* лампроиты.

Виктор Джониевич Сыроватко (ответственный исполнитель темы, или просто шеф): Я вот что вам скажу, коллеги: желание заказчика – закон для исполнителя. Сказано искать лампроиты – будем искать лампроиты.

Мишка (шлиховщик-сезонник): Я знаю лампрофиры, а лампроиты – впервые слышу.

Кириллыч: Тебе не обязательно и знать. Твоя задача – мыть пробы.

Виктор Джониевич Мишке (*авторитетно*): Лампроиты – изверженные породы ультраосновного состава.

Мишка: Исчерпывающий ответ... Мне это ничего не говорит. Вы лучше покажите мне кусок: вот лампроит – и я уже его не спутаю ни с чем.

Я слушаю, и эти люди кажутся мне существами из параллельного мира. У меня рухнула вся жизнь, я едва удерживаю себя, чтобы не выйти в тамбур и не выброситься с поезда, а они сидят и с глубокомысленным видом рассуждают об этих чертовых лампроитах.

Как геолог я, само собой, понимаю, что для нашей работы эти породы важны, поскольку они, как и широко всем известные кимберлиты, могут нести в себе алмазы. Но, честно говоря, мне плевать, найдем ли мы эти лампроиты. Даже алмазы для меня сейчас – ничто (если бы они у меня и были). Ненужные, бесполезные стекляшки, которые некому подарить.

«Было бы лучше, если б я тебя вовсе не знал. Я был бы прежним. Сидел бы сейчас вместе со всеми, пошучивал, болтал о лампроитах... А так... мне словно перебили хребет».

Пока записываю это обвинение-жалобу, поезд замедляет ход, передергивается, сбрасывая с себя лишнюю скорость; по пыльному стеклу ползут тени зданий – все медленнее, пока не замирают.

Станция.

Мишка лихорадочно припадает к окну:

- Владимир Кириллыч! Станция!
- Ну и что? – лукаво шуря глаза, притворяется тот непонимающим.
- Надо бы сбегать!
- Достаточно.

Мишкино удлиненное лицо еще более удлинняется, изо всех сил выражая недоумение, разочарование, обиду:

– Смотрите... Потом в вагон-ресторан придется бежать, – он раздосадовано опускается на сиденье, почесывая маленькой коричневой рукой неопрятную русую бороду, слишком внушительную для его шуплой фигуры. Затем извлекает из кармана пачку вырванных из журналов страниц с кроссвордами и демонстративно погружается в их разгадывание.

Виктор Джониевич возвращается к прерванной теме:

– У них там на Урале сейчас идет борьба сторонников и противников алмазного направления. Нам надлежит держаться средней линии. И при этом показать свое профессиональное реноме.

Виктор Джониевич питает пристрастие к вычурным словечкам и нередко говорит загадками, так что уловить его мысль не каждому удастся. Вот и сейчас их с Кириллычем диалог напоминает, скорее, театр абсурда.

Колотушин: Нам надо составить бумагу о разграничении полномочий с местным геологическим предприятием.

Виктор Джониевич: Не суетись.

Колотушин: Но без этого нам не переведут вторую часть договорной суммы.

Сыроватко: Надо сделать так, чтобы самих себя не подставить. Это всё политес.

Колотушин:?...

Сыроватко (*путаясь в понятиях*): Надо пролонгировать, то есть прозондировать... чтобы потом не упираться лбом и не тыкаться носом. Продумай детали.

Кириллыч (*после некоторого раздумья*): В общем, я напишу, что промывку лотками ведем мы, а шурфы и большеобъемные пробы – на них. Так?

Виктор Джониевич: – Здесь дело тонкое. У них там сейчас политические маневры. Надо не противопоставить себя ни одному из лагерей. Усёк? Мотай на ус.

Колотушин: – Ммм... Ясно.

Сыроватко: – Значит, ты это дело возьми под свой контроль. Короче, держи руку на пульсе.

С этими людьми мне предстоит вместе жить и работать почти три месяца...

Сыроватко и Колотушину обоим за сорок, они старшие в отряде. В остальном у них мало общего. Сыроватко – белобрысый, большеголовый, широкий в корпусе, плотный, приближающийся к понятию «толстый». В трезвом состоянии он серьезен до напыщенности, сверх меры бдителен (что заметно уже по последнему диалогу), основателен даже в мелочах (деталь: нитки, иголку и набор пуговиц он возит с собой в специальной жестяной коробочке, перехваченной резинкой и упакованной в полотняный мешочек).

Колотушин, напротив, сухопарый, подвижный, немного безалаберный, простоватый с виду, но с хитринкой в бледно-голубых, глубоко посаженных глазах, так свойственной вологодским мужичкам, считающим себя наголову умнее других.

Шлиховщик Мишка – этот и вовсе тщедушный, длиннолицый и длинноносый; со своей запущенной блеклой бородой, в желтовато-сером выгоревшем рабочем костюме, он походил бы на скитника, если бы не дурковатые болотно-зеленые глаза.

На очередной станции он вновь суматошно вскакивает с места, с усилием оттягивает вниз оконную раму. В купе тотчас же проникает запах пыли, просмоленных шпал, гнилых яблок.

По перрону прохаживаются тетки с кошелками, показывая из-за отворота кофт горлышки бутылок.

– Сколько?! – кричит Мишка, просовывая бороду в проем.

– Шестьдесят, – сразу понимают его.

– Всего шестьдесят, – оборачивается Мишка к спутникам.

Никто не реагирует.

– За шестьдесят не берем, – раздумчиво произносит шлиховщик, – потом за семьдесят будем брать.

– Кириллыч, – разворачивается вдруг всем корпусом Виктор Джониевич к начальнику и внушительно смотрит на него с полминуты. Тот сникает под этим гипнотическим взглядом и со вздохом обреченности: «Ужасные люди!» – лезет в сумку, где у него лежат отрядные деньги.

Вмиг все приходит в движение: Мишка пулей летит из вагона, Виктор Джониевич твердой рукой расставляет на столе стопки, Кириллыч извлекает из пакета недоеденные пахучие куски отварной курицы, облепленные хлебными крошками, и сам хлеб ломтями, изрядно помятый, вперемешку с огурцами.

Один я остаюсь безучастным к этим энергичным приготовлениям. От выпивки я отказываюсь: она помогает лишь на время, а потом становится еще хуже (это я уже проходил). Коллеги поглядывают на меня непонимающе, с неодобрением, однако я давно преодолел в себе боязнь не вписаться в компанию. В последнее же время для меня мнение обо мне окружающих – все равно что километровые столбики, мелькающие сейчас за окном.

Лишь однажды, свесив голову вниз, я окликаю маленького, размякшего от водки промывальщика:

– Мишка! А золото ты когда-нибудь мыл?

– Я?! – расплывается тот в улыбке – почти что от уха до уха. – Я бериллы намывал! И турмалины! А это посложнее, чем золото. У меня еще не было сезона, чтобы я чего-нибудь такого не намыл. Помню, на сопке Белой...

– Какое золото! – вмешивается Володька-начальник, проглотив от возмущения недожеванный огурец. – Вы это бросьте, господа, забудьте о золоте. У нас другие задачи. И мыть мы будем не до черного шлиха, а до серого. Фёдор, не разлагай кадры, нехороший ты человек.

– Какие-то несерьезные настроения в коллективе, – сурово замечает Виктор Джониевич и направляет на меня укоризненный взгляд. Несерьезность для него – самый страшный порок.

В другой раз я бы на подобное замечание либо огрызнулся, либо смолчал и потом досадовал бы оттого, что смолчал. Сейчас же я равнодушно отворачиваюсь к стенке.

Лежу без всяких мыслей. Затем перед глазами ясно всплывает мой отъезд в экспедицию прошлым летом.

...Я захожу в вагон, а Аня остается на перроне – грустная-грустная. Без слез (что уже немалое достижение), но такая вся потухшая, такая одинокая, покинутая, что хоть спрыгивай с набирающего ход поезда – рискуя переломать себе ребра – и беги к ней. Не спрыгнул. А может, спрыгни я тогда – и все бы у нас пошло по-другому...

Глава 3. ЭКСТРИМ

Впервые еду в экспедицию в таком развинченном, чумном состоянии. Обычно отъезд в «поле» и сам сезон проходят на подъеме. Голова работает четко, чувства обостряются, ты готов действовать, преодолевать любые невзгоды и при необходимости – бороться. Не знаю, что так мобилизует – экстремальные условия, близость дикой природы или психологический настрой. Но при таком настрое даже безвыходные, казалось бы, ситуации лишь удесятятеляют силы.

Взять хотя бы позапрошлый сезон – когда, сплавляясь по реке Менкюль на Верхоянье, мы рухнули с водопада. Стоит вспомнить.

Как мы рухнули с водопада

Сплавлялись мы на большущей резиновой лодке, именуемой понтоном. Такой понтон спокойно берет на борт тонну груза. Но чтобы резиновое дно между баллонами не провисало под этой тяжестью, делается дополнительное дно из жердей, которое подвешивается на поперечные толстые ошкуренные палки, опирающиеся на борта. На такое подвесное дно наваливается гора вещей – ящики с камнями, палатки, печки, вьючники с посудой и с канцелярией и тому подобное. Сверху вся эта куча укрывается прорезиненным брезентом и обвязывается прочным фалом. А уж «экипажу» остается лепиться либо сверху на куче, либо на краях туго надутых баллонов.

Так мы и прилепились: я и студент Ваня с короткими гребными веслами – ближе к носу, наш начальник с длинным рулевым веслом – на корме.

Поплыли.

Речка Менкюле – бурная и извилистая, то бьющая со всего разгону в скалу (и тут уж надо отгребаться изо всех сил), то прыгающая по пенистым порогам (и чтобы не наскочить на камень, надо рулить и тоже отгребаться в сторону). Опасаясь соскользнуть с мокрого и гладкого резинового бока лодки в холодную осеннюю воду, мы с Ваней привязались капроновым шнуром к обвязке груза.

С погодой не повезло: сыпал дождь, подгоняемый ветром, а то и снежок временами срывался, фамиллярно облепляя лицо. Струйки воды стекали по нашим спинам прямо в штаны, и без того мокрые. Если бы не работа веслами, мы бы давно окоченели.

Километрах в семидесяти ниже по течению нас должен был через сутки подобрать вездеход, поэтому переждать непогоду не было возможности.

Мы уже здорово устали, задубели от холода и сырости и туго соображали. Поэтому не сразу отреагировали на то, что в какой-то момент нас понесло быстрее обычного, а спереди донесся ровный, как будто из глубин земли идущий гул.

На всей скорости, едва успевая маневрировать между вспучивающимися, рассекающими поток валунами, мы обогнули скальный уступ и внезапно увидели, что метрах в десяти от нас речка кончается. Вернее, она продолжалась, но уже где-то внизу, точно срезанная гигантским ножом. Не сговариваясь, мы с Ваней одинаково глупо принялись грести в обратную сторону. Однако лодка даже не сбавила ход, и через две-три секунды вся эта махина с горой груза, с нами, кое-как прилепившимися на ней, ухнула носом вниз – в kloчочущий, кипящий котлован.

Высота водопада была в общем-то небольшая, где-то метра полтора, но при таком весе для нас ее было достаточно.

В следующий миг я обнаружил, что нахожусь под водой – в пенящейся, клубящейся пузырьками холоднющей глубине. И при этом какая-то неумолимая сила продолжала увлекать меня все глубже: ведь я был словно припшплен к борту нашего «Титаника».

Между тем погружение достигло, очевидно, максимальной отметки, и наш понтон, превратившийся наполовину в подводную лодку, стал медленно (очень, очень медленно, как казалось мне) вздыматься вверх. Наконец, сбрасывая с себя потоки воды, он восстал из пучины. А я смог вздохнуть спасительного воздуха и порадоваться, что я еще не утопленник.

Однако не успели мы с Ваней переглянуться залитыми водой обалделыми глазами (судя по Ваниным), как услышали сзади: «Гребь, мать вашу!» Тут мы узрели, что нас развернуло и теперь боком несет на отвесную каменную стену. Удивительно, что при погружении мы с Ваней не выпустили из рук свои весла (а кормчий вообще избежал купания). Теперь мы бешено работали ими, но понтон неуклонно продолжал двигаться на скалу.

Как оказалось позднее, подвешенные жерди при ударе всей этой туши о воду прошили нижнее резиновое дно и пространство между камерами заполнила вода (залив также и нижнюю часть груза) – лодка стала гораздо тяжелее и инертнее. Точно потерявшее рассудок громадное доисторическое животное, она неуклюже ударилась со стороны Вани о скальный обрыв. Раздался хруст весла (хорошо еще, что Ваня успел подобрать ноги), затем – хлопок (пробило один из отсеков), и нас быстро начало кренить.

– К берегу! Живо! – проорал старший, и совместными усилиями мы, надрывая пупы, дотянули до галечной косы противоположного берега.

Итак: сырая голая коса, наш искалеченный понтон и мы сами, мокрые до нитки и продрогшие до костей. И вокруг на сотни километров – сопки, тайга, буреломы... Ни домишки, ни сухого местечка...

Когда я выволок из перекошенной лодки баул с нашими ватниками (подозрительно тяжелый) и опрокинул его набок, из его горловины хлынул поток. Все остальные вещи, включая спальные мешки, также оказались насквозь пропитанными водой.

К этому времени стало смеркаться и уже густо пошел снег. Даже собачья конура показалась бы мне в эти минуты роскошью. Хотелось упасть и свернуться в комочек. Но жажда жизни взяла верх. Переборов отчаяние, мы разом бросились разгружать понтон. Нашли ЗИП. Обе дыры сперва грубо зашили специальной кривой иглой, сделанной из гвоздя, а затем, прогрев швы бензиновым примусом, наклеили тройные латки. Все загрузили обратно, схватили весла (Ване досталось запасное) и отчалили. И гребли, гребли без передыху, пока от нас не повалил пар.

К рассвету, когда по сторонам отчетливо проявились неузнаваемо белые сопки, а край неба сделался лимонно-желтым, мы прибыли к нужному месту – на четыре часа раньше намеченного срока.

Приключение? Экстрим? Скорее, обычные геологические будни. Без этого не обходится практически ни одно «поле». И именно это мобилизует.

Так что, может, и на сей раз, уже на месте, оказавшись в напряженной ситуации, я воспряну-таки духом и соберу в кулак свои растрепанные чувства? Хотя «поле», конечно, предстоит далеко не столь суровое, как на Верхоянье. И вообще... нынче все по-другому. И сам я другой. «Поломанный»...

Глава 4. «ЗАВОДНАЯ» ЖЕНЩИНА

В купе жарко, от хмельных разговоров коллег – хочется тоже напиться и надолго потерять сознание. Спускаюсь с полки, выхожу в коридорчик.

У приоткрытого окна одиноко стоит женщина, высокая, молодая, чуть полноватая, но полнота эта лишь усиливает ее мягкий шарм. Ветер развевает каштановые с медным отливом волосы. Осанка гордая. Но при этом улавливается какая-то напряженность во всей фигуре. Как будто у нее украли только что чемодан с вещами, а она упорно не показывает виду.

Встаю у соседнего окна, оттягиваю вниз раму, глотаю тугую, приправленную тепловозным чадом струю. Снова взглядываю на незнакомку: округлая щека, удлинённый светлый глаз... И тут опять накатывает...

Мы с Аней едем вдвоем в Прибалтику. Она вот так же стоит у окна, но более тонкая, более легкая и окрыленная. То и дело поворачивается ко мне и улыбается, но как-то робко, словно боясь нарушить хрупкую атмосферу минутного счастья. Не выдерживает – утыкается щекой мне в плечо:

– Ты не жалеешь, что взял меня с собой?

– А куда от тебя денешься? – усмехаюсь безжалостно.

Она перестает улыбаться, долго, не оборачиваясь, глядит на пробегающие мимо столбы и деревья. А во мне удушливым комом нарастает жалость и, чтобы не выдать себя, я насуплено ухожу в купе пить в одиночестве чай...

Зачем я это вспомнил, черт возьми?! Только все испортил. Думал подойти познакомиться с женщиной, но после этого непрошеного воспоминания настроение пропало. Захотелось опять забраться на свою полку и закопаться носом в подушку.

А впрочем, надо вопреки всему взять и подойти. Сделать вид, будто все у меня в полном ажуре – я беззаботен, доволен собой, всегда рад новому знакомству. Как прежде. Ведь говорят же психологи, что если в самом дурном состоянии начать через силу улыбаться, то можно обмануться и почувствовать себя лучше.

Что ж, приосаниваюсь и бесшумно приближаюсь к загадочной пассажирке.

– Вас выгнали из вашего купе? – интересуюсь участливо и слегка иронично.

Она поворачивается ко мне, смотрит отстраненно – округлое лицо, лучистые, как у кошки, глаза.

– Вы клеитесь ко мне или просто от скуки ищите собеседника? – отпускает колко.

– А что было бы для вас предпочтительнее? – не отступаю я.

– Ни то ни другое. Я не хочу ни знакомиться, ни беседовать.

– Тогда я просто молча постою рядом. В качестве фона.

Смеряет меня взглядом.

– Настырный экземпляр... Впрочем, для мужчины не такое уж вредное качество. Сигареты нет?

Вообще-то я не курю, но это не препятствие: возвращаюсь в купе и изымаю у Мишки несколько сигарет и зажигалку.

Знакомство продолжается в тамбуре среди металлического лязга и кисловатого запаха железа.

Она, минуту назад не желавшая беседовать, курит, смотрит в мутноватое стекло и говорит, говорит.

Она развелась с мужем, с которым не прожила и двух лет, комнатенку экс-супруга разделить оказалось невозможно, и теперь она с дочкой уезжает из Питера к матери в провинциальный городок. Дочка в эти минуты спит в купе.

(Крушение личной жизни, как видно, не такое уж редкое явление.)

– Я достала сегодня свои свадебные фотографии... зачем только тащу их с собой?... Хорошо, что в купе, кроме меня и Юли, никого не было... Я так хохотала! Я ржала! Со мной чуть истерика не случилась. Я говорила себе: «Маринка, и это ты? Ты же не совсем дурочка, как же ты не видела, насколько это смешно – ты и он?» – она выразительно потрясает в воздухе сигаретой. – Как-то я собралась и зашла к нему с дочкой – мы с ней жили временно у подруги. Надо было видеть его физиономию. Он так растерялся!.. Он просто обалдел. Он ну никак не ожидал! Мне стало его даже жалко, и я говорю: «Я вижу, ты не готов к такой встрече. Давай мы с Юлей зайдем к тебе через неделю». А через неделю обалдела уже я. В тот первый наш приход в комнате был бардак, а у самого – вот такая щетина, – Марина приставляет к подбородку палец. – Теперь он был в костюме. Новая люстра с какими-то цепями, на стене какие-то поганки – украшение, новенький палас на полу, еще магазином пахнет. Аппаратуру свою дебильную продал, купил телевизор. Ему ж надо показать, чего он достиг в жизни. А достаток – для него и есть вершина. Показал сберкнижку – раскрытую, фамилии не видно – с двадцатью тысячами. «Это, – говорит, – я положил на Юлю». Дачу купил – тоже, мол, запишу на Юлю. Но я-то знаю, что ничего этого Юля не увидит, и книжка наверняка не на нее, надо знать его сущность. Но ему не понять, что нам всего этого и не надо, что он меня этим не купит. Он привык судить о людях по себе.

Она умолкает на время, как будто давая мне возможность посочувствовать бедному мужику: так старался произвести впечатление, а может, и вернуть ее надеялся, но за два года не просёк свою жену – что ей надо. В общем, такой же пень, как и я.

Марина невесело вздыхает:

– Но я тогда поступила неправильно. Он говорит: «Хочешь сухенького?» Я отказалась. Сослалась, что устала и голова болит. Я и вправду устала, и голова вправду болела. Но это была ошибка. Не надо было его обижать, хотя бы ради дочки. Все же у ребенка должен быть отец, пусть и на стороне. Уже когда отказалась, увидела на подоконнике два великолепных хрустальных фужера. Два! Новеньких! Рядышком стоят. Массивные. А «сухенькое», наверное, за занавеской... Занавески тоже, кстати, сменил... А когда я отказалась, он губы поджал, понял, что я человек конченный. «А ты, – говорит, – постарела. И вообще, у меня, – говорит, – столько девок! А у тебя, наверное, свои мужики?» Я молчу. Какие у меня мужики? Юлька, работа, стирки, глажки... Спрашиваю: «А дочку ты больше не хочешь видеть?» – «А зачем? – отвечает. – Я ее уже увидел. Ничего в ней моего нет, твоя порода. И вообще она, может, не от меня».

Марина просит еще сигарету и какое-то время молча курит. Потом взглядывает искоса:

– Знаешь, что я тебе скажу... Ты только, пожалуйста, не обижайся. Я сейчас на мужиков смотреть даже не могу. Их просто нет. Ты первый, с кем захотелось поговорить. Ты располагаешь к себе. А может, меня просто достало это одиночество, – и она смотрит на меня как-то по-особенному, точно обнаружив в облике собеседника новые черты (о, как мне знаком этот взгляд!..).

Я понимающе, проникновенно поглаживаю ее плечо. Она не отстраняется, не убирает мою руку, она даже подается немножко мне навстречу. Тогда, стоя сбоку, я одной рукой приобнимаю ее за талию и, когда она опять ко мне поворачивается, целую в сочные губы.

– Федя... Какой ты... Ну все, отойди, оставь меня одну. Мы с тобой совсем незнакомы. Она вся зябко ежится и подрагивает.

– Учти, я заводная. Потом сам рад не будешь. Давай будем хорошими... Там Юля... Я не хочу быть плохой.

Она говорит это, стискивая зубы, и зубы ее, кажется, вот-вот начнут выбивать дробь. И дышит она, как дышат при невероятной стуже. Я сжимаю ее крепче, но в этот миг клацает ручка двери и в тамбур протискивается пучеглазый толстяк в мокрой от пота майке, с сигаретой за ухом. Марина порывисто отстраняется; словно проснувшись, удивленно смот-

рит на меня. Затем поворачивается и идет внутрь вагона. Видно, как она отодвигает дверь соседнего с нашим купе и, оглянувшись на мгновение, скрывается за ней.

За окном текут, густея, сумерки. Я лежу на своей полке, ощущая, как внутри меня сгущается еще более беспросветная темень. Темень одиночества. Коллеги тоже укладываются, вяло бубня. Мне вдруг приходит в голову, что, быть может, как раз за моей стенкой лежит, также на верхней полке, эта «заводная» женщина Марина. И если бы сейчас каким-то чудом исчезла разделяющая нас символическая перегородка – мы оказались бы лежащими рядом, словно на супружеской постели. Возможно, она думает в эти минуты о том же и так же, как я, не спит. И, наверное, долго еще не сможет заснуть. Как долго не смогу заснуть я. Каждый со своим грузом и со своим одиночеством...

– Кириллыч! – доносится снизу голос шлиховщика Мишки. – Я без ста грамм не засну... Говорил же вам: мало взяли.

Начальник не отвечает.

Счастливчик, думаю я про Мишку, ему достаточно ста граммов...

Скрипит, покачиваясь, вагон, гулко перестукивают колеса, болезненно отдаваясь в голове. И снова наплзают воспоминания.

Мы с Аней на крыше

Перед тем мы выпили вина. Настроение у меня было удалое. Через отворенное окно мансарды я выбрался на козырек и помог выбраться девушке, с которой едва познакомился, суля ей необыкновенные виды ночного Питера с высоты птичьего полета.

Крыша сдержанно покашливала и неодобрительно вздыхала под нашими ногами. Она была весьма замысловатой – с множественными выступами, башенками и трубами.

Я как будто вновь ощущаю влажный ночной ветерок, каменный запах города и холодные цепкие Анины пальчики, ее бледное лицо и колышущиеся пряди светлых волос. Совсем рядом, озаренный, мерцал строгий зеленоватый Исаакий.

Неожиданно в сплошной темной синеве туч родился глаз с полуприкрытой радужкой бледной луны. Словно кто-то неведомый и могущественный с интересом посматривал на нас с высоты. Но через минуту глаз сощурился, и остался лишь розовато-желтый влажный мазок.

Я о чем-то долго говорил своей спутнице, громко восторгался красотами города, его крышами (ведь это особый, почти сказочный мир, невидимый с земли). Затем усадил ее на какую-то жестяную приступочку, а сам присел рядом и, едва удерживаясь на откосе, стал целовать ее ноги в темных колготках. И моей хмельной голове воображалось, будто я целую мулатку.

Целовал и съезжал вниз, до края, до хлипкой, скорее, символической оградки. Вздвигался снова и снова съезжал. А у Ани в глазах при этом чередовались испуг и сдержанная радость (впрочем, радость тоже с примесью испуга). Потом ей стало зябко, и я героически сбросил с себя рубашку (несмотря на Анины протесты).

...Если бы я мог вернуться туда, в самое начало нашей истории – я бы в дальнейшем повел себя иначе, и, возможно, мы избежали бы того, что случилось после...

Глава 5. ДУШЕВНАЯ МУТЬ

Переваливаясь с боку на бок, груженная вахтовка (гибрид автобуса с грузовиком) движется по разъезженной когда-то, а ныне высохшей, как хлебная корка, дороге. Часа через три подъезжаем к месту, обозначенному на карте несколькими крохотными черными прямоугольниками с надписью: «Хутор Кочкарский».

«Вот оно, место моей добровольной ссылки», – мысленно произношу я. Здесь я буду одиноким и независимым. Не хочу больше зависеть – ни от других людей, ни от событий, ни от своих эмоций. Я буду лишь беспристрастным наблюдателем.

Весь хутор – три дома, два из которых, просевших и обросших до окон коноплей и крапивой, явно не жилые. Третий оброс травой не так густо и не со всех сторон. В его высокие массивные деревянные ворота, вернее, во врезанную в них дверь, Колотушин стучит массивным железным кольцом, заменяющим звонок. Ответом ему – гробовая тишина. Ворота – как в крепости: установлены на могучих четырехгранных столбах и увенчаны бурой жестяной крышей во всю их длину. Они выглядят добротнее самого дома.

Вокруг, насколько хватает глаз, – ни единой души. Однообразные белые облака шеренгами замерли над всхолмленной просторной степью с разбросанными по ней лесными масличками (колкбми).

Наверное, здорово родиться и жить в таком месте, невольно подумалось мне. Тогда, очевидно, и характер, и судьба будут такими же ровными и безмятежными.

И мне вдруг отчаянно захотелось жить в таком вот безмятежном мире, но где обязательно была бы Аня и не было всего того, что с нами стряслось, и не существовало бы в помине никакого Армена. Где все было бы просто и понятно. Где Аня была бы безраздельно моей, и я любил бы ее открыто, преданно, чутко, без психологического садизма. Но... тогда это был бы уже не я.

В общем, на этом хуторе мы и поселились.

К сожалению, действительность часто оказывается не такой простой и безмятежной, как хотелось бы. Так и нашему поселению предшествовал глупейший скандал.

Почва для скандала зрела еще с утра на базе местной геологической партии, где мы ночевали. Сразу после завтрака Виктор Джониевич призвал к себе начальника.

– Владимир Кириллыч, есть одно важное дело, которое ты не учел, – внушительно проговорил он.

– Командировки? Уже отметил! – самодовольно отрапортовал тот.

– Нет.

– А, вы насчет транспорта? Договорился. Через полтора часа дадут вахтовку.

– Молоток. Но я не об этом. – («Молоток» у Виктора Джониевича заменяет слово «молодец», это у него высшая похвала.)

– О чем же? – озадаченно потер лоб Колотушин.

– Вот о чем: надо обязательно устроить фуршет со здешним начальством.

– Но нам же сегодня лагерь... – открыл было рот Кириллыч.

– Так заведено, – отрезал Виктор Джониевич. – От этого во многом зависит наш статус. «Статус, – мысленно передразнил я. – Вот дубина».

Нет, не получается быть беспристрастным наблюдателем. Чего уж тут скрывать: Виктора Джониевича я недолюбливаю. С некоторых пор. Он-то все тот же, что и прежде, вот только я переменялся... И переменялось мое отношение к людям.

– Володя, – тихо проговорил я, приблизившись к Колотушинскому уху, – прояви твердость, ты же начальник.

Но Кириллыч, по обыкновению, не спешил проявлять твердость, тем более когда ее проявлял Виктор Джониевич. Так что фуршет состоялся. В результате Виктора Джониевича и Мишку нам пришлось под руки загружать в прибывшую машину.

...И вот теперь мы стояли перед массивными двухстворчатыми воротами, ведущими во двор, и никто не отзывался на наш стук.

– Похоже, никого нет, – констатировал начальник, с хрустом пробравшись через упавший штакетник и одичалые кусты черной смородины к темному окну.

– Сгружаемся! – прорычал в это время из салона машины очнувшийся шеф. – Будем базироваться в доме!

– Скорее, под домом, – уточнил я ехидно. – Хозяев, возможно, и неделю не будет. И где гарантия, что они вообще нас примут?

– Кириллыч!!! Сгружаемся! – последовал еще более требовательный рык.

– Володя, нет смысла, – внушал я начальнику свое. – И так с выездом задержались. Время позднее, пора ставить палатки.

Как ни странно, на сей раз мои доводы подействовали на Кириллыча (наверное, больше подействовала моя трезвость на фоне нетрезвости Виктора Джониевича). Мы проехали до ближайшей рощи, где вдвоем с Володей осмотрели небольшую травянистую поляну между холмами, поросшими сосновым и березовым молодняком.

– Нормальное место, – заключил я. – Площадка ровная и дров навалом.

– Джониевич, ну как? – повернулся Колотушин к старшему по званию.

– Да вы что, мужики?! – распахнув дверцу салона, тяжело приземлился тот на ноги и уставился на нас вытаращенными глазами. – Вы в своем ли уме? Да нас тут при первом же ливне затопит!

– А надувные матрасы на что? – сострил я.

– Джониевич, нормальное место, лучше не найдем, – мягко убеждал шефа начальник. – Дров вон сколько!

– А вода?! – взревел тот (так что даже водитель, с любопытством наблюдавший из кабины за перепалкой, мгновенно спрятал голову). – Где вода, я вас спрашиваю?! Кто за водой будет бегать? Ты?! – ткнул он пальцем в меня. – Бери ведра и дуй за водой! – и он демонстративно скрестил на груди руки.

– Володя, – рассудительно обратился я к начальнику. – Ты видишь, что получилось? Я же говорил тебе: не надо покупать водку. Вот перед тобой результат, – указал я на тяжело дышащего, налитого кровью Джониевича. – Хорошо еще, не все дали им выпить. Но если дальше так пойдет – будем нянчиться с ним, как с дитём. Хуже! Дите хоть можно как-то уgomонить.

– Вас самих надо уgomонить, кретины! – гремел Сыроватко (собственный авторитет, видно, заботил его сейчас меньше всего). – А ты, Федька!.. Шесть лет назад ты сопли рукавом утирал, студентка хренов, а теперь!..

– Ну-ну. Вот так и раскрывается сущность человека, – усмехнулся я, наслаждаясь своим психологическим превосходством. – Ладно, пора разгружаться, – обойдя гневно сопящего Виктора Джониевича, я влез в салон машины и принялся выкидывать оттуда тюки.

– Да вы что! – взвился Сыроватко. – Да вы, я вижу, и без водки охренели!

Колотушин, колебавшись, чью сторону принять, присоединился все же ко мне (но, похоже, уже начиная раскаиваться в этом, уже гораздо менее решительно).

– Да вы совсем идиоты?! Загружай обратно! – несло снаружи, пока я освобождал вахтовку от нашего груза (а Кириллыч складывал все на поляне).

– По-моему, клоунов у нас в штате нет, – негромко, но так, чтобы Джониевич слышал, проговорил я.

Поддразнивая таким образом разбушевавшегося коллегу, я еще сильнее выводил его из себя, и это доставляло мне какое-то садистское удовольствие. В душе всплыла какая-то муть. Наверное, мне отрадно было видеть, что не только я могу быть жалким и неприглядным. Возможно, так я надеялся взять у жизни хоть какой-то реванш.

– А ты... ты... – трясся шеф, – ты забыл, раздолбай, как мы с тобой на Верхоянье тонули?

Действительно, было такое. Эпизод этот как-то затёрся в памяти, хотя стоило бы его обновить. Чуть позже.

Однако справедливо ли сравнивать Верхоянский хребет и почти плоское Южное Зауралье?!

Впрочем, если честно, я не мог гарантировать, что нас не подтопит тут при первом же крепком ливне. Да и перспектива обитать в палатке, спать вповалку, ютиться в ней во время непогоды бок о бок с Виктором Джониевичем не очень-то прельщала и меня. Зачем же я так упорствовал? Только чтобы досадить Сыроватко?

Забавно: все это время наш шлиховщик мирно возлегал на травке у подножия холма и изредка бормотал себе под нос:

– Затопить тут не затопит, но все же в доме лучше...

– Джониевич, – обратился Колотушин к шефу, вытряхивая из баула топоры и ножовку, – лучше бы картошку поставил вариться, пока мы лагерь устраиваем. – И Володька отправился за кольями для палатки.

– Кто у нас моет пробы? – не поднимая головы, изрек тем временем Мишка. – Скажите мне, где вода, чтобы мыть пробы?! – выкрикнул он.

– Где вода?! – тотчас же подхватил Сыроватко.

– Пойдем, Джониевич, покажу воду, – предложил появившийся из лесочка с вырубленным дрыном Кириллыч. – За этими горками – карьер и чистое озерцо.

Когда они оба прогулялись за холмы и вернулись, Виктор Джониевич заговорил уже более миролюбиво:

– Начальник насчет воды меня убедил. Молоток! Ладно, парни... я тут лишнего себе позволил, всякие слова... Беру обратно. Но вы же не дураки, должны понимать: лучше устроиться в доме.

«С этого бы и начинал», – подмывало сказать мне.

Джониевич помолчал, затем выдохнул решительно:

– Вот что, мужики... Дайте выпить. Выпить дайте, не могу!

– Кириллыч, хоть глоточек! – взмолился и шлиховщик.

– Ужасные люди! – сокрушенно покачивая головой, полез в свой рюкзак начальник.

– Сейчас мы с Михаилом выпьем и пойдем за водой, – деловито приговаривал Сыроватко. – К колодцу. А колодец, как правило, тяготеет к жилью.

– Лучше бы картошку поставили вариться, – беззлобно ворчал Колотушин. – Вода и рядом есть.

– Нет, мы пойдем за чистой.

– Хорошенькое начало сезона, – мрачно усмехнулся я, когда те двое, выпив, уковыляли с ведрами.

– Ладно, ничего, – снисходительно проговорил Кириллович. – Побузят немного, завтра протрезвеют и начнут работать.

Как все коряво! Такое чувство, будто в грязи вывозился. Хотя ясно: не испытывай я сам душевных терзаний, вряд ли бы я стал так доводить шефа.

Захотелось уйти куда-нибудь, чтобы никого не видеть. Пока Колотушин возился с костром, я удалился за холмы, к найденному им озерцу, присел там на влажной траве и выта-

щил из кармана полевой куртки свой измятый блокнот и ручку. Но записал всего лишь: «Аня, мне плохо...»

Пока сидел у воды, вспомнилось исподволь...

Из первых наших дней

Мы с Аней у нее дома. На диване. Полуодетые. Целуемся. Мы еще ни разу не были близки. И я мягко настаиваю. Она пока что упорствует. Я продолжаю настаивать (деликатно). Она колеблется... Я целую ее в шею у самых корней волос, вибрируя языком (я знаю действие такого внешне вроде бы невинного поцелуя). Девушка буквально тает у меня в руках, слабеет, и мне удастся расстегнуть застежку узенького лифчика...

Время – одиннадцать вечера. Родители ее час назад отвалили на дачу.

Вдруг – звук отпираемой входной двери.

– Аня, ты дома?

Ее отец! Какого беса он вернулся? Меня он с самого начала почему-то невзлюбил и вообще был противником наших встреч, а тут такое...

Слетаю с дивана, мигом натягиваю штаны, рубаху, включаю телевизор, утыкаюсь носом в экран и замираю в созерцательной позе. Сам не ожидал от себя такой прыти.

На экране дородная дама с фальшивой любезностью убеждает купить обогреватель под названием «Доброе тепло» (телемагазин).

Анин отец – он культурный и, прежде чем войти, стучится. Придирчиво оглядев комнату и особенно меня, поглощенного передачей, выносит постановление:

– Наверное, твоему товарищу пора домой, – (по имени он меня упорно не называет).

Аня смотрит на меня сочувственно и виновато.

Выметаюсь восвояси. Невезуха: свою комнату в аспирантской общежитии я уступил на ночь приятелю с подружкой, уверенный, что останусь у Анюты.

Гуляю под окнами – час, другой. Отец ее, похоже, уезжать не собирается (должно быть, поссорился с женой). Деваться некуда, гуляю до рассвета. Ночью еще и дождик припустил, загнал под козырек подъезда.

Утром батя уезжает-таки.

Аня впускает меня, бросается на шею, точно я вернулся с войны, жалеет, ласкает, разрешает все...

После *всего* заглядывает мне в глаза:

– Ты не обиделся, что так получилось? Не обижайся на меня, пожалуйста.

Я же вместо того, чтобы сказать: «Милая, разве ты в чем-то виновата?», – тяну снисходительно:

– Да ладно...

Глава 6. БАШКИРЫ

Виктор Джониевич вернулся к нам на телеге, влекомой крупной гнедой лошастью. Кроме самого Джониевича, румяного, торжествующего, на крае повозки сидели бочком, свесив ноги в кирзовых сапогах, два мужичка – молодой и постарше, оба черноволосые, смуглые, кареглазые. Судя по всему, это были хозяева того единственного на Кочкарском хуторе жилого дома, в который мы стучались. И приехали они за нами. Так что волей-неволей пришлось загружаться.

– Я же говорил: в доме будем жить! – захохотал самодовольно Сыроватко, а я заметил, что во рту у него недостает нижнего зуба. Где он его потерял или выбил (или ему выбили), мы так и не узнали.

У ворот на лавочке, вытянувшись, точно покойник, лежал Мишка. В его разлохмаченной бороде застрял щетинистый шарик репейника.

Оглядываю окрестности со странным ощущением, будто назад возврата мне нет, будто я приехал, чтобы поселиться тут до конца моих дней.

Прямо от ворот тянется пустынное, поросшее полынью пространство, отлого понижающееся к реке. Самой реки не видно, она лишь угадывается по густым зарослям камышей и тростника. Только небольшая полоска воды поблескивает в запруде перед белесой песчаной дамбой. По ту сторону речки раскинулись плавными волнами, словно подол платья (помню, у Ани было такое широкое зеленое платье), луга с аккуратными, похожими издали на буханки хлеба, копнами сена. Луга лениво поднимаются в гору, составленную из трех слившихся увалов, которые, как я узнал позже, называются Берёзовскими (или Соколиными) сопками. Вершины их захвачены лесом, а по склонам, подчеркнутые собственной тенью, рассеяны группы и единичные деревья, словно живые существа, брошенные своими соплеменниками, широкой волной уходящими по ту сторону гор.

(В числе брошенных и я...)

С противоположной стороны дома, за огородом – голая степь, бетонные столбы ЛЭП (наследие эпохи бурной золотодобычи), и только вдаль темнеет, где приближаясь, где отдаляясь, полоса леса.

Сразу же за дорогой, в десяти шагах от угла дома – глиняный обрыв, точно уступ обширного кратера. Это карьеры. В них добывали золото. Мне бы сюда лет десять назад! Я исползал бы эти карьеры вдоль и поперек. Разумеется, я и теперь не упущу возможности исследовать их, но прежнего горения ждать от себя уже не приходится.

...Помню, я поделился с Аней своими ребяческими мечтами попасть на Аляску. Она: «Тогда и я с тобой».

– Глупая, – говорю, – это же всего лишь мечта. Мираж. А ты серьезно готова куда-то отправляться.

Мечта, в осуществление которой я сам, оказывается, не верил...

Солнце садится за рекой, за упомянутыми тремя увалами. Травы помутнели от вечерней росы, замерли, и лишь ковыль кое-где дремотно переваливается то в одну, то в другую сторону, точно укладывается поудобнее перед сном.

Как непривычно для городского жителя пахнет степь – сухим аптечным духом полыни, тысячелистника, душицы и множеством других неведомых мне запахов. Но нет среди них самого желанного. Запаха любимой...

Во дворе, на утопанной неровной земле установили стол. Кроме наших за ним расположились и обитатели дома. На углу сидел старик Бурхбн, самый старший из всех, сухой, морщинистый, но с черной, без единой седины шевелюрой. Справа от него разместились два его сына – старший Рбдик, лет двадцати шести-двадцати восьми, по-мальчишески

коротко остриженный, с черными бровями в одну линию, и младший Тагир, еще школьник, худощавый, веснушчатый парнишка с удлинненным, как будто вытянутым в постоянном удивлении лицом. Слева от старика как-то бочком пристроился его младший брат Гайсб – смуглый, широколицый, большеглазый и слегка перекошенный (одно плечо выше другого). Он, как выяснилось, заехал ненадолго в гости да и загулял тут с братом и племянником, и вот уже больше недели не может уехать.

Двор тесный, немного безалаберный, но хозяйски основательный. Посреди него, в двух шагах от стола, стоит, уронив оглобли, телега на лысых автомобильных колесах – та, на которой Гайса с Радиком привезли наш «скарб». За ней темнеет открытая дверь конюшни, и слышно, как топчется гулко невидимая в темноте лошадь. На открытой веранде дома (точнее назвать ее террасой) на черной, трещиноватой бревенчатой стене опрокинутым веером висит на гвозде рыболовная сеть, рядом – ржавые капканы на грубых цепочках, напоминающие стремяна, пук перезрелого укропа. Ворота, через которые мы попали во двор, теперь сомкнуты и соединены в качестве засова толстым металлическим штырем. На противоположной от них стороне между приземистой банькой и углом длинного сарая в коротком отрезке забора виднеется калитка, ведущая в огород и закрытая на внушительный крючок. У калитки, позвякивая цепью, молча бегают взад-вперед возле своей плоскострельной конуры длинномордый пес с короткими лапами и большим косматым хвостом, облепленным комьями репейниковых колючек (почти как недавно Мишкина борода).

Здесь вполне можно держать оборону, заключил я, внимательно оглядев двор. А что, может, и вправду придется? Я слышал, народ тут встречается лихой, много бывших эзков, да и золото делает людей отчаянными.

...Похолодало. Сваренная картошка быстро остыла и затвердела. Все зябко поеживались. Все, кроме двоих – старика Бурхана, который, вероятно, приспособился за долгую суровую жизнь комфортно чувствовать себя при любой температуре, да Виктора Джониевича. Последний не иначе впал в горячку. Он то хохотал, широко разевая рот, то, внезапно смолкнув, вперевал в кого-либо бессмысленный и тяжелый, как будто свинцом налитый взгляд, то орал на всю округу.

– Слушай ушами! – рычал он, обращаясь, например, к косоплечему Гайсе. – Посмотри на нас, – хлопал он себя по груди пятерней. – Кто, ты думаешь, мы такие? – и он оглядывал хозяев, по-бандитски выпятив челюсть. – Мы – разведчики недр, геологи! На нас держится наука геология! Вся страна на нас держится, потому что... потому что...

– Работает где-нибудь? – спросил я сидящего ко мне ближе других Радика.

В тот же миг ко мне повернулось сморщенное лицо старого Бурхана.

– Какая у него работа! – выкрикнул он сипло. – С ружьем таскаться дни напролет да с лотком – вот вся его работа! – и он сварливо зашамкал щербатым ртом.

Я с любопытством разглядывал старика. Нос у Бурхана как будто продавлен в районе переносицы и слегка свернут набок, и глаза разные: один вроде как выше и чуть больше другого.

(Между прочим, от меня не ускользнуло упоминание лотка.)

– Ты, батя, это... не шуми, – сдержанно проговорил Радик. – Ты зимой чем питался?

– Ну... шесть или сколько коз съели, ничего не скажу, – кивнул старик, и черные глаза его замаслились.

– Вот и молчи.

– Слушай ушами! – снова раздался рык. – Ты кто? – навалившись животом на стол, Виктор Джониевич ткнул пальцем в старика-башкира. – Бурхан? Бурхан, расстилай свой достархан! Ха-ха-ха!

К моему удивлению, хозяев, похоже, не смущало и не обижало явно оскорбительное поведение гостя. Должно быть, они видели и не такое. А может, и сами, выпив хорошенько, ведут себя не лучше...

– Я тут пороха привез, – вступил в разговор Володька, видимо, стремясь загладить у хозяев неприятное впечатление от нашего коллеги. – Порох, правда, просроченный, но я им стрелял. «Сокол».

– Пойдет, – быстрым кивком одобрил Радик. – Я дымового подбавлю маленько... К капсюлю подсыплю... Самое то.

– Молчать!!! – заорал в эту секунду Джониевич. – Всем – тихо! Я приехал!!! Ха-ха-ха!.. Мишка, лей водку! Вот кого люблю, – обнял он одной рукой улыбающегося промывальщика. – Водка! Все нормальные мужики пьют водку! Всем водки! Я приехал!!! Ха-ха-ха!

Нет, пожалуй, с меня хватит. Поднимаюсь и через дверь, проделанную в воротах, выхожу со двора.

Прохаживаясь в сумерках один, всматриваюсь в темные волнистые силуэты Соколиных гор, в первые звезды на сиреновом небе, повисшую над домом луну и пытаюсь заставить себя не думать. Потому что знаю: думы обязательно потянут за собой воспоминания...

Однако уйти от них мне не суждено. Погасший вечер, сумерки, эта луна кажутся щемительно знакомыми. А выкрики, хохот напоминают голоса и смех, вырывающиеся из распахнутого окна студенческого общежития.

Я стою внизу, на аллее, среди темных кустов сирени. А там, на третьем этаже – весело и шумно. Рядом со мной Аня.

– Давай сходим к заливу, – предлагает она и сжимает неуверенно мою руку.

Ей хочется, чтобы мы побыли вдвоем. А я поглядываю на призывно сияющее гудящее окошко. Вот кто-то уселся на подоконник задом и стряхивает вниз сигаретный пепел. Кто-то выкрикивает молодецки: «Зацелую!» – и слышится девичий визг.

Меня властно тянет туда – где бы и я стал выкрикивать что-нибудь смешное, хохотать, держать стакан с вином в одной руке, а другой обнимать девчонку, а лучше – сразу двух. Или взять в руки гитару и, прикрыв глаза, затянуть что-нибудь пронзительное, отчаянно-удалое!

Не хочу я на Финский залив, там холодно, темно и тоскливо. Там маньяки с заманихами, как шутят мои приятели. Я хочу туда, где самый разгар веселья, где еще полно вина, где такие милые рожи...

Мог ли я тогда предположить, что пройдет время, и мы с Анной поменяемся ролями? Могли ли мы оба хоть на миг допустить в мыслях такое?!

Оцепенело смотрю вдаль, где черная волнистая земная твердь соединяется со звездным небом (чуть правее Березовских сопок). Какое громадное пространство отделяет меня от *нее*! Если идти пешком, все время по прямой, переваливая через горы, переплывая встречаемые реки, пересекая города, преодолевая километров по сорок в день, то мне понадобится около двух с половиной месяцев, то есть почти полный наш полевой сезон.

Впрочем, все это глупости. Мне незачем возвращаться и не к кому.

Глава 7. ЧЕРНАЯ ВОДА

За мутным оконцем едва розовеет восход. Все еще спят. А я лежу, пробудившись прежде времени, и мысленно переживаю тот упомянутый Виктором Джониевичем случай, как мы с ним тонули на Верхоянье.

Как мы с Виктором Джониевичем тонули на Верхоянье

Весь день брели вдвоем с поклажей на плечах по долине ручья – то по галечным косам, то прямо по воде, то по чахлой лиственничной тайге. С самого утра моросил мелкий нудный дождик. По сторонам в сыром тумане расплывались едва различимые силуэты гор. Наши брезентовые плащи давно промокли, сапоги скользили по влажной скрежещущей гальке. Наконец на высокой ровной террасе, покрытой мокрой рыжей хвоей, среди высоких замшелых лиственниц поставили крохотную одноместную палатку, размером не намного больше собачьей конуры. Затолкались в нее вдвоем. Костер даже не стали разводить.

– Плохо, – пробормотал старший. – Хреновый дождь. Мерзлота от такого дождя тает, может сойти черная вода...

Слова «черная вода» произвели на меня еще более угнетающее впечатление. Захотелось домой, в тепло и сухость... То есть, чтобы было *суховатко*.

Незаметно смеркалось. Сыроватко скоро задремал, а я тревожно прислушивался. Где-то неподалеку звучал ручей, отделенный от нас полутораметровым обрывом и широкой полосой гальки. В его шуме мне слышалось то грузинское многоголосое мужское пение, то лязганье гусениц вездехода, то лай многочисленной своры собак. Постепенно и меня стало клонить ко сну.

Проснулся я через короткий, как мне показалось, промежуток времени от невероятного грохота, напоминающего горный обвал или извержение вулкана и ни на секунду не смолкающего. Торопливо распустив завязки входа, я высунул голову наружу и в темно-сером сыром сумраке в полуметре от своего носа увидел вздыбленную стоячую волну. Передо мной несея бешеный поток, с громыханием перекатывая по дну валуны, от чего подрагивала почва. С ужасающей скоростью проносились вывороченные деревья с воздетыми к небу корнями.

Не в силах поверить в произошедшую с ручейком метаморфозу, я бросился расталкивать напарника:

– Виктор Джониевич, тонем!..

Не успели мы схватить в охапку расхристанные спальные мешки, палатку, рюкзаки, рацию, как увидели катящуюся на нас из темной глубины леса волну – клубящийся кашеобразный вал из воды, хвои и веток. Он ударил нас по ногам, и через миг мы уже стояли по колено в бурлящем потоке.

– К черту! – выкрикнул геолог, заметив мое движение поймать живо уносящийся прочь накомарник. – Давай туда! – махнул он.

С ворохом вещей на плечах и в руках мы рванули в сторону невидимых в темноте гор, что-то роняя из не завязанных рюкзаков, полоща в воде хвосты спальников. Скоро лес кончился, показался каменистый склон. Не успел я обрадоваться, как вдруг бредущий впереди меня Сыроватко ухнул по грудь в другой бушующий поток, очевидно, прорвавшийся по одному из старых сухих русел нашего ручья. Едва выполз обратно.

В общем, мы оказались отрезанными. Между тем уровень воды неуклонно повышался, а дождь хлестал уже совсем не церемонясь. Я безуспешно пытался вспомнить «Отче наш», однако Виктор Джониевич уже принял оперативное решение.

– Сюда, ко мне! – проорал он, перекикивая чудовищный гул.

Он перевалил на меня свой спальный мешок и рюкзак, а сам взмахнул в воздухе нашей мокрой палаткой, которая надулась пузырем, точно пододеяльник на ветру, и перехватил, перекрутил ее горловину руками. Получилось что-то вроде большого пузыря, весьма, правда, дряблого. На него я нагрузил мешки и прочее барахло, тоже вцепился в горловину, и мы поплыли. Вернее будет сказать, нас понесло. И понесло довольно быстро. Вспомнились похожие ситуации из прочитанных еще в юности приключенческих книжек о геологах. Но в отличие от книжных историй, в нашем положении я не видел ничего героического. Со стороны происходящее выглядело, наверное, и вовсе нелепо – две головы и куча тряпья мелькают среди водяных холмов. Повезло еще, что оконце в палатке было наглухо зашито (из-за того, что сквозь сетку легко пробирался мокрец).

На наше счастье, нас зацепила подмытая, упавшая кроной в воду лиственница. Исцарапанные и трясущиеся от холода, мы очутились наконец на твердой земле, точнее – камнях, а еще точнее – на косогоре, представляющем собой крупноплитчатую осыпь, подвижную и скользкую, частично покрытую раскисшим ягелем. Я абсолютно не представлял, что мы станем делать дальше. Рацию мы утопили, так же как и молотки; вся одежда, спальники были мокрыми насквозь, с них скорбными струями стекала вода... Казалось, свершилось непоправимое. И вот тут-то вновь проявился полевой опыт и закалка моего сурового товарища. Он вытащил из-за пояса топор (когда он успел его туда сунуть?), а из кармана промокнутой куртки – запаянные в целлофан ветровые спички. На моих изумленных глазах он повалил сухостоину, порубил ее на чушки, те расколол каждую на четыре части, а сухую сердцевину расщепил на тонкие лучинки и, укрывая их от дождя своим телом, зародил огонь.

Я смотрел на него как на бога. Конечно, мы не могли спать, не могли даже сидеть толком на шатких камнях, зато у нас был огонь!

То происшествие отчасти объясняет, почему Сыроватко так боится наводнения. И еще – почему он непременно желает расположиться в доме: романтикой былых приключений он, очевидно, сыт по горло.

Глава 8. БУДНИ

Временами я впадаю в какое-то блаженное состояние. В такие минуты меня как будто ничто не тяготит.

Спустя неделю после приезда мне уже кажется, будто я с рождения обитаю здесь, в лесостепных предгорьях Урала, в этом старом, не очень опрятном, но обжитом доме. Сплю на полу в жарком спальном мешке. По утрам, пробежав на зады огорода к хлипкой жердевой изгороди, бодро разминаюсь, окруженный голубоватыми далями и просторным, полосчатым у горизонта небом.

С разрешения хозяев я врыл в землю за огородом массивное бревно, так чтобы оно получилось в рост человека. На уровне «головы» и «живота» прибил к нему куски кошмы, дабы не повредить кисти рук и ступни ног. И теперь старательно восстанавливаю навыки, приобретенные еще в студенческие годы в секции карате. При этом игнорирую глупые подколлки Колотушина: мол, надо бы удвоить тебе длину маршрутов. Или: «На шефа оно совсем не похоже» (имеется в виду бревно). Тут он попал почти в точку. Бревно действительно имеет немного сходства с Виктором Джониевичем, хотя, обрушивая на него удары, я воображаю вместо него вполне конкретного человека – того, что украл мою женщину.

Подобно герою Кевина Спейси в фильме «Красота по-американски», я начинаю новую жизнь с восстановления физической формы.

Отдышавшись, люблюсь всплывающим над перелесками неярким красноватым солнцем.

Бывает, завидев в отдаленном углу огорода застывшего с косой или граблями в руках старика Бурхана, я подойду, встану рядом и тоже гляжу вдаль.

– Простор... – произношу задумчиво.

– Да-а-а, – поворачивается ко мне сморщенным серо-коричневым лицом старик.

И оба долго молчим.

– Ты здйсь родился, Бурхан? – спрашиваю.

– Не-е. Мы здесь прятались. Отец мулла был, да... надо было прятаться...

И опять думаем каждый о своем и вроде об одном.

– Раньше тут бор был, – вспоминает старик чуть погодя.

И мне как будто видится тот бор. И так спокойно и благостно-печально на душе...

Но я знаю, что эйфория эта ненадежна.

Случается, пробудившись среди ночи (оттого что спящий рядом Мишка, подкатившись вплотную, начнет хрипеть и кашлять в лицо), я лежу и слушаю храп. Храпят коллеги, лежащие на полу в ряд, храпят башкиры за перегородкой. Каждый храпит на свой лад: кто басысто и как будто сердито, кто тоненько, словно жалуясь на что-то или кого-то оплакивая, кто-то с подвываниями, всхлипами и бульканьем. Другой бы на моем месте расхохотался (да и сам я прежде). Я же досаую и ворочаюсь без сна. В такие вот минуты и лезут в голову всякие мысли, картинки из пережитого. И я их иногда, затеплив свечку, помещаю в блокнот. Как в темницу.

Вот, к примеру (*из грустного*).

Путешествуем с Аней на прогулочном катере по каналам. День ясный, хотя и ветреный. Стоим на верхней палубе, любимся видами. Рядом пристраивается лучащийся улыбкой и лысиной мужичонка. Интересуется доброжелательно:

– Вы не брат и сестра?

– А что? – откликаюсь без энтузиазма.

– Вы так похожи друг на друга. Муж и жена?

– Почти.

Замечаю Анин удивленный взгляд: даже «почти» из моих уст – это уже непомерно много.

– А дети есть? – насаждает интервьюер.

– Нету.

– У вас непременно будут красивые дети. Вы такая чудесная пара!.. Такие как вы должны производить как можно больше детей – четверо, пятеро... Красивых здоровых детей. Это, можно сказать, ваш долг перед природой и обществом.

Аня улыбается, но я-то уже изучил все ее улыбки. Эта – перед слезами.

Она тогда уже знала, что детей у нее не будет (после злополучного аборта, к которому я не причастен).

Попутчик между тем явно приготовился к долгой душевной беседе о наших гипотетических детях. Тогда я вежливо оттесняю его в сторонку и тихо сообщаю кое-что на ухо.

– Что ты ему такое сказал? – недоумевает Аня после того, как доброжелателя точно волной слизнуло.

– Да так, ничего особенного.

На самом же деле я шепнул ему, что у нас с моей подругой у обоих СПИД.

Такие у меня тогда были шутки.

Днем я маршручу, таская с собой в рюкзаке обернутый мешковиной черный пластиковый лоток, ожидая удобного случая, чтобы пустить его в ход. Однако удобных случаев пока нет, поскольку уже неделю мы ходим в маршруты вдвоем – Сыроватко, Колотушин и я. Виктор Джониевич оправдывает это тем, что нам якобы необходимо приучиться смотреть на вещи «одними глазами». Пока что этого не получается. Видимо, у всех троих глаза устроены по-разному.

Остановимся иной раз перед глинистым обрывом, поковыряемся в нем остриями молотков, разотрем белую липкую массу в пальцах, Кириллыч еще и лизнет.

– Обычная глина, – нарушаю я общее глубокомысленное молчание. – Каолиновая, судя по всему.

– Типичная кора выветривания, – изрекает Володя.

– Да вы что, шутите? – набычивается Джониевич. – Это же стопроцентные туффзиты! Ендовкиным здесь закартировано тело туффзитов. Вот и кварцевые прожилки, о которых он говорил. Это же как выпить и закусить!

– В коре выветривания могут сохраняться кварцевые прожилки, – не сдается Колотушин (наверное, ему тоже надоели маршруты вдвоем).

– Тем более что это, скорее всего, не прожилки, а просто песок, попавший в трещинки, – добавляю я.

– Мы пришли на заданную точку и обязаны взять тут пробы. Какие вам еще убеждения? – пресекает дискуссию Сыроватко. – Доставайте мешки, этикетки и хватит демагогии.

Надо отметить, что отобранные пробы (по сорок килограммов каждая) мы таскаем на себе. К дамбе. Это единственное место в округе, где можно подойти к речке, не увязнув в иле и не заплутав в дебрях камышей. Тут у Мишки лаборатория под открытым небом. На плоской галечной косе под откосом насыпи расставлены тазы и ведра с раскисающей в воде глиной, на разостланных обрывках полиэтилена просушивается на солнце и ветру проситованный и затем промытый в лотке материал – отдельно по фракциям: щебенка, крупнозернистый песок, средне – и мелкозернистый и так далее. Из тела дамбы торчат две горизонтальные широкогорлые железные трубы, и из них вполсилы льется вода из подпруженной части реки. «В одной – холодная, в другой – горячая», – шутит Мишка. Под струей громоздятся вложенные друг в друга ящики-сита – от крупноячеистого к мелкоячеистому (сооружение это называется шейкером). Вода, таким образом, выполняет часть Мишкиной работы.

Сам Мишка, в развернутых на всю длину болотных сапогах, в темно-сером блестящем резиновом фартуке, стоит рядом в позе повелителя, слегка покачивая всю колонну сит.

– По фррракциям!.. ррраз-делись! – потрясая бородой, приказывает он пробам.

Нередко Виктор Джониевич с Кириллычем, доставив очередные пробы, присаживаются на корточки возле просыхающих песчаных и щебенистых кучек и по часу изучают их содержимое в лупу, бормоча названия минералов.

– Джониевич, альмандин видел?

– Альмандина тут достаточно, ты бы мне пироп показал...

– Оливин тоже бы не худо найти.

– Вы мне скажите: хоть один алмаз тут кто-нибудь находил? – задает крамольный вопрос Мишка.

– Не лезь не в свое дело! – затыкают его.

– Работать надо – и будут алмазы! – ворчит шеф.

Однажды я не удержался...

Доставая этикетки для проб, я случайно обнаружил в кармашке доставшегося мне старого дырявого рюкзака огарок темно-красной свечки. Не долго думая, я отковырнул крупцу, положил на ладонь и слегка припорошил песочком.

– Володя, а ну-ка глянь: что это? – с озадаченным видом подошел я к начальнику.

– Ну! Молоток! Где нашел? – подскочил сразу же и Сыроватко.

– Из вашей же пробы.

– Хм... И что ты мыслишь?

– То же, что и вы. Подозреваю пироп алмазной ассоциации, – отрапортовал я.

– Вот что: не будем прежде времени делать выводы, – сурово проговорил Джониевич, хотя глаза его заблестели, как после стакана водки.

– Какой-то он аморфный, – скептически пробормотал Колотушин, рассматривая крупцу под лупой. – И блеск слабоват. Сомневаюсь, что бы это был пироп.

– Анализ покажет, – сдержанно заключил Сыроватко. – Ты его смотри не потеряй, заверни во что-нибудь и отметь в своей пикетажке, – указал он мне.

Я же отвернулся и стиснул губы, чтобы не заржать.

Сам я тоже порой вооружаюсь лупой и рассматриваю на ладони странно увеличенные песчинки – желтоватые, бурые, черные, – тайно надеясь обнаружить хоть пылинку желтого металла.

Однако не всегда удается себя отвлечь. А стоит только расслабиться – и я опять у прошлого в плену.

...Иду под руку с подружкой Ани. Время от времени приостанавливаюсь, чтобы шепнуть ей на ушко что-нибудь потешное и бесстыдное. Мы громко смеемся, игриво поглядывая друг на друга, и снова шепчемся. А сзади, шагах в десяти от нас плетется Аня. В ее глазах – застывшая мука, в походке – обреченность приговоренного к казни. Но мне весело. К тому же я убежден, что для Ани это полезно: она не должна воспринимать меня как свою собственность. Я – существо вольное, мы вместе до тех пор, пока нас тянет друг к другу, и не должно между нами быть никаких долговременных обязательств. Именно поэтому мы не станем никогда расписываться...

Для чего я это делал? Испытывал ее? Или, может, себя?

А через два дня, когда Аня была в институте, эта ее подружка постучалась в дверь.

– А Ани разве нет? – с натурально изображенной наивностью спросила она, при этом лучезарно мне улыбаясь.

Пока я раздевал ее, она вдохновенно убеждала меня, что ей очень стыдно, что ее будет мучить совесть оттого, что она предает подругу. И от этого ощущения стыда она, похоже,

уже заранее получала кайф. «Мне так стыдно... – шептала она, подставляя моим губам свои плечи и груди. – Какая я дрянь...»

«Мы оба дряни», – хотелось добавить мне. Нас обоих жалила совесть, взвинчивая до предела эмоции.

А вечером я с тем же горько-сладким чувством вины обнимал Аню. Она же – по запаху или по моим предательским глазам – без труда определила недавнюю измену (она всегда это угадывала). И тем не менее, после скорбных и разгневанных взглядов, после слез и ударов кулачками мне в грудь, отдалась. Отдалась иступленно, даже более страстно, чем всегда...

Глава 9. РЕЛИКТ

Вскоре было решено, что Кириллыч станет проводить рабочий день в Мишкиной «лаборатории», методично просматривая и документируя промытые пробы.

Сыроватко же продолжает таскать меня с собой.

Удивительно, как изменилось мое восприятие окружающих. Этот же Виктор Джониевич, с которым шесть лет назад, студентом, я попал в экспедицию на Верхоянский хребет, вызывал у меня искреннее восхищение своей суровостью, напором, способностью бесшабашно пить водку, а потом вкалывать с фанатичной одержимостью. Теперь же, глядя на его широкую медвежью спину, на тяжелую, немного косолапую твердую поступь, на всю его грузную фигуру в бывалом, почти добела выгоревшем геологическом костюме, с компасом и гигантским зачехленным ножом на поясе, я ощущаю как будто неловкость за него. Он – словно ожившее окаменелое ископаемое прошлых геологических эпох.

Кажется, я догадываюсь, почему профессия геолога нынче не так привлекательна для молодых, как в былые времена. Прежний тип сурового геолога-полевика отошел в небытие (за редким исключением в виде таких несуразных, как Сыроватко, реликтов), а новый еще не сформировался.

– Подумай вот над чем, – поворачивается ко мне всем корпусом этот реликт. – Почему здесь повсюду, во всех карьерах встречаются эти белые глины?

– Покров, – ляпаю я первое, что приходит на ум. – Покров гранитоидов, каолинизированных и превращенных в глину.

– Та-ак... Что же тогда получается? Что лампроиты сидят под ним? – со всей серьезностью начинает мозговать шеф.

– Почему именно лампроиты? – делаю я недоуменное лицо.

– Потому что кимберлитов тут не должно быть по геологической ситуации. В чем ты видишь источник алмазов, как не в лампроитах или туффизитах?

– А я вообще его не вижу. Как и самих алмазов.

Джониевич прибавляет шаг.

– Значит, хреновый из тебя геолог, если не видишь, – бросает он на ходу и больше не оборачивается.

Я бреду следом, и мне приходит в голову мысль, что Виктор Джониевич не просто образцовый служака и энтузиаст. Тут, пожалуй, еще другое: в институте идет массовое сокращение сотрудников, особенно пожилых, и для Сыроватко эта алмазная экспедиция – последний шанс «удержаться в седле» (я начинаю выражаться его же языком). Или он найдет алмазы (ну хотя бы косвенные признаки, на них указывающие), или его карьера закончится и он «выпадет из обоймы». Даже если здравый смысл и опыт говорят ему, что алмазов тут быть не должно, он все равно будет убеждать себя в том, что они есть. Другого выхода у него просто нет, тем более что раз и навсегда взятая на себя роль несгибаемого крутого полевика не позволяет ему сдаться. Ему остается только верить. И от остальных требовать такой же веры.

Он ее и в самом деле прямо-таки требует.

– Нам, кровь из носу, надо проверить все места находок алмазов, – не нарушая твердой поступи, озвучивает Виктор Джониевич свои тяжелые, как и шаги, мысли.

– А были находки? – я притворяюсь, вроде бы слышу об этом впервые. (Каким, однако, я стал ядовитым!)

– Пойди почитай старые отчеты.

Из материалов старых геологических отчетов

Приводятся свидетельства о двух алмазах с этой площади. Первый якобы купил в тысяча восемьсот восемьдесят-каком-то году у пьяного старателя в Кочкари неизвестный студент (наверное, истратил, бедолага, всю свою стипендию). Второй... про второй раструблил купец Прибылёв: мол, на его Андрее-Юльевском участке рабочий нашел алмаз. Примечательно, что вскоре после этого сообщения (в 1896 г.) участок был выгодно продан.

– К тому же места находок показаны на карте, – прибавляет Джониевич хмуро. – Ты сам их видел.

– Я видел звездочки, нарисованные Ендовкиным, – уточняю я. – Но не видел ни одного номера пробы, ни одной ссылки на отчет, где эти находки описаны. Я должен поверить в звездочки?

– А не веришь – не надо было сюда ехать! – выходит из себя шеф. – Что ты пытаешься доказать?! – выкрикивает он яростно. – Что нас зря сюда направили? Что люди, которые здесь работали и составляли проект, – халтурщики?! Или ты против того, чтобы наша тема продолжалась? Пилишь сук, на котором сам же и мы все сидим!

Я тоже готов выйти из себя – напомнить, что не по его приглашению сюда поехал, что я не обязан верить в мифы, что вовсе не собираюсь цепляться за «сук, на котором мы все сидим», и тому подобное. Но вместо этого, к большому удивлению руководителя, я вдруг соглашаюсь:

– Вы правы, Виктор Джониевич, без веры впору повеситься на том суку, а не пилить его.

Джониевич долго после этого ничего не говорит, видимо, переваривает выданный мною перл.

Пока он морщит лоб, я думаю о том, что раз уж я попал сюда, в этот легендарный золоторудный район, то почему бы не отдать дань моим мальчишеским мечтам. И бредя за шефом, я присматриваюсь к окружающей местности: где тут могут быть естественные ловушки для этого тяжелого металла? И стоит ли потом сюда вернуться?

Возможно, Сыроватко чувствует, что голова у его партнера занята чем-то другим, а не главной задачей, и это его раздражает. Тем не менее, мне в конце концов удается убедить его, что целесообразнее ходить в маршруты порознь (хотя по технике безопасности это и возбраняется). Дескать, тогда получится больше маршрутов, а значит, больше будет шансов что-либо отыскать. Что именно отыскать – это каждый из нас понимает по-своему. И Сыроватко уступает, правда, с некоторым сомнением, с подозрением, что в чем-то его обвели вокруг пальца.

Первые свои самостоятельные маршруты я посвятил карьерам.

Глава 10. КАРЬЕРЫ

Начинаются карьеры, как я уже отмечал, у самого дома и тянутся на несколько километров в противоположную от реки сторону, хотя и за рекой их немало. Это бесформенные котлованы, обширные глиняные рытвины, по бортам и внутри которых громоздятся каменные истуканы всевозможных размеров и форм. С первого взгляда может показаться, будто здесь на огромной площади проводились масштабные археологические раскопки, вскрывшие целую галерею произведений первобытного зодчества (впрочем, с тем же успехом эти фигуры сошли бы и за современную скульптуру). На самом же деле это останцы мраморов, изъеденных, зализанных древними карстовыми процессами. Бока этих глыб испещрены широкими сахаристо-белыми царапинами, оставленными ножами бульдозеров. Весь рыхлый грунт между ними выбран и перебит на золото. Создается впечатление, будто с земли содрали кожу, выели плоть, и остались торчать лишь светло-серые и желтоватые кости остова.

Впадины поглубже превратились в озера (старатели, как я выяснил у Радика, доходили до глубины двадцать метров от поверхности, а дальше не позволяли возможности техники). Вода в озерах давно отстоялась, очистилась, края поросли камышом, а на макушках мраморных глыбищ, прикрытых нашлапками бурой глины, успели вырасти сосенки.

«Но где же тут золото? Не могли же его выгрести подчистую», – ломаю я голову, шагая по неровному дну котлована. Порой, опустившись на четвереньки, я пристально исследую какую-нибудь узкую промоину, на дне которой обнаруживаются вымытые дождевыми потоками обломки кварца (а то и горного хрусталя), темно-коричневые корочки гематита, удлиненные, иногда прозрачно-голубые кристаллы кианита. Но нет и следов того, что я так упорно ищу.

Иной раз, внутренне вздрогнув, я порывисто нагибаюсь, привлеченный золотистым блеском, однако вспыхнувшее радостное волнение столь же быстро угасает: блещут «загорелые» на солнце чешуйки мусковита (слюды).

Напрягая извилины, я пытаюсь разгадать, где этот тяжелый металл должен накапливаться, в какой части многочисленных промоин. Скорее всего, во впадинах или у поворотов их ложа. Я нагибаю в лоток песок с камешками и комками глины, спускаюсь к водоему, старательно-медленно промываю. Смываю последний песочек, и... на дне лотка ничего не остается. Пусто. Лишь тончайший неинтересный черный шлик едва видимой нитью.

Но ведь золото здесь есть! Оно где-то совсем рядом. Это подтверждают и множественные следы сапог, оставленные в вязкой глине, и установленный в воде у берега водоема крупный плоский камень, а за ним под водой – холмик мелкой щебенки. Дураку ясно: кто-то на этом камне работал с лотком. Муть, песок ушли дальше вглубь, а камешки оседали тут же у берега.

Мне начинает казаться, что я мою неправильно и теряю самую ценную часть шлика, ведь я дилетант в этом деле (до сих пор я занимался съемкой). Тогда я приношу пробу Мишке, после чего внимательно наблюдаю за быстрыми и плавными движениями опытных рук промывальщика.

– Черный шлик, – распрямившись, показывает тот дно лотка. – Надо брать с плотикб, – советует он и понимающе подмигивает. – Мы не говорим «плутик», мы говорим «плотик»... – громко запевает он, переиначивая песню, в которой поется: «Мы не говорим „кумпас“, мы говорим „компбс“».

Где же в карьерах этот плотик (то есть, непроницаемый водоупор, ниже которого золото не проседает)? Там же все перерыто, перемешано, естественность залегания нарушена... Какой уж там плотик?!

Все чаще у меня возникает ощущение, будто я чего-то недопонимаю, ищу совсем не там.

Странно устроена жизнь. Когда-то давно, пацаном, шагая с рюкзаком по лесу, я рисовал в своем воображении, будто я уже взрослый, геолог, иду маршрутом, с компасом и картой (и обязательно – с лотком) в поисках золота. Теперь же, будучи взрослым и геологом, бредя маршрутом, с этим самым лотком, я с радостью перенесся бы обратно – туда, где я был не геологом, а просто мальчишкой, шлепающим босиком по проселочной дороге и знающим, что недалеко мой дом, и родители, и тепло, и любовь близких...

По вечерам я ужу рыбу на дамбе. Или пилю с Мишкой дрова. Или таскаю от реки из колодца воду. Или вожусь с образцами пород. Или записываю что-нибудь в своем блокноте. Таким образом, я занят допоздна. Но это не всегда спасает. Память довольно коварная штука и иногда, в самый неожиданный момент, вдруг выбрасывает из своих недр порцию раскаленной магмы.

...В комнате общежития за столом трое – я, Аня и мой приятель Макс. Разговариваем, пьем шампанское. Я слежу, чтобы Анин фужер не пустовал. Перед тем я поспорил с приятелем, что Аня разденется при нем. Зачем мне это? Продемонстрировать другому мою власть над ней? Или чтобы еще раз убедить себя, что мне неведома ревность?

Аня уже достаточно захмелела, и я уговариваю ее, ласково глажу по волосам, мимоходом расстегиваю кофточку. Она же то всхлипывает, то смеется. «Ты меня не любишь! Ты готов отдать меня любому!» Но вдруг решительно сбрасывает с себя одежду и проходит по комнате с полнейшим бесстыдством.

– Ты этого хотел?! – выкрикивает с пьяным захлебом. – Ты хочешь видеть меня шлюхой? Пожалуйста. Можете трахнуть меня вдвоем!

Пари выиграно. Макс уходит явно не в себе, спотыкается в дверях, забывает шарф и шапку.

Интересно: когда он их забрал? Что-то не припомню...

Глава 11. ЛЕТНЯЯ КУХНЯ

По вечерам все собираются в летней кухне.

И именно с кухни, как вскоре до меня доходит, следует начинать поиски золота.

Кухонька эта занимает часть длинного дощатого сарая, ограничивающего двор с противоположной дому стороны. Впервые в жизни я увидел здесь, на этом сарае, земляную крышу. Она представляет собой толстый слой земли, пышно поросший поверху сорняками (в основном полынью), а с краев – коротким зеленым мхом, каким покрыты обычно пни и камни в дремучем лесу. И словно под тяжестью этого пласта, серая щелястая стена сарая сильно наклонена внутрь, так что чудится, будто все строение вот-вот сложится подобно картонному домику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.